

Владимир ПЕТРОВ

ВЫЖИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Владимир Иванович Петров родился в 1947 г. в с. Старояшкине Грачёвского района Оренбургской области. Окончил Московский институт железнодорожного транспорта. Служил в армии. Работал на различных инженерных и руководящих должностях в системе МПС. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостиный Двор» и.м. Валериана Правдухина, региональной литературной премии и.м. П.И. Рычкова (2017).

*Памяти Кошелева
Николая Фёдоровича*

1.

По югу Башкирии, вдоль бассейна реки Белой от города Стерлитамак протянулась Прибельская увалисто-волнистая равнина, переходящая из островков хвойно-лиственных лесов и степных шиханов в северные отроги Общего Сырта и западные хребты башкирского Южного Урала. В её начальной разнотравно-низинной и холмистой зоне, на левобережье небольшой, в какие-то полтора километров речки Барча расположилась деревня Столяровка.

Благоприятное для своего житья-бытья место выбрали её основатели. На пологих берегах Барчи молодел гибкий тальник, тесно обступивший возрастные осины и вёклы, зверушки и птицы водились. В родниковых водах ловился пескарь, оголец и другая мелочь. При весеннем разливе из

реки Белой во вливающуюся в неё Барчу заходила и более крупная рыба, чаще всего щука. Ниже по речке зеленели сочной травой пойменные луга для выпаса коров, озерцо — для водопоя и купания — синело. Выше, на ковыльных склонах Красной горы, было где разгуляться лошадям...

К середине двадцатого столетия Столяровка насчитывала около семи десятков изб, выстроившихся в две шеренги по сторонам грунтовой дороги, неизменно прямой с основания деревни. По течению речки, в одной из них, одиннадцатой по счёту в верхнем ряду, жила семья Фёдора Ивановича, правнука первого из Кошелевых, переселившихся в Башкирию из Пензенской губернии в 1880 году.

В ней, считай, через восемь десятков лет после случившегося приезда Кошелевых на здешние земли, точнее, 28 сентября 1958 года, к Васе и Саше, шести и двух лет от роду, и пятилетней Гале добавился новорождённый братишка, очередной представитель многочисленного рода, известного по церковным записям с первой половины семнадцатого века. Колей его назвали. Рос он крепким и подвижным ребёнком, дружками-погодками верховодил. Обыденно, размеренно катилась деревенская жизнь. Трудились столяровцы, детей растили, праздники справляли, отдыхали на природе... Ладно всё и у Кошелевых было. Ничего не предвещало беды. Она же пришла неожиданно и непредсказуемо.

Незадолго до своего четырёхлетия Коля играл с мальчишками возле клуба. В тени высоких клёнов, гасящих в своих разломаченных ветвях жаркие солнечные лучи, они устроили спортивные состязания.

— А я дальше всех прыгнул, — подбежал Коля к проходившему мимо них отцу.

— Молодец! — Фёдор Иванович потрепал выцветшие на солнце лохмы сына. — Стремись быть первым во всём. Вырастешь — дальше меня, электрика, пойдёшь.

— Я буду стараться, пап...

— Ну, ладно, беги к дружкам... Спешу я.

Не без гордости полюбовавшись ловким, рослым для своих лет сынишкой, Фёдор Иванович направился к трансформатору, метра на четыре, самое малое, высившемуся в каких-то тридцати шагах от клуба среди вымахавших уже в человеческий рост лопухов и другой сорной травы, лишь на захват косы прокошенных по периметру ограды. Открыв запертую на замок дверцу, опустил поднятую нижнюю часть раскладной железной лестницы, прикреплённой к одному из опорных столбов, наверх поднялся. Быстро выявил причину, из-за которой отключился свет в деревне, взялся за устранение неисправности. Не найдя в монтерской сумке нужной детали, домой заторопился. В спешке дверцу на замок не закрыл.

Его промашкой мигом воспользовались любопытные мальчишки.

На правах сына электрика Коля первым за ограду шагнул, первым и к лестнице подошёл. Она на добрый метр не доставала до земли. Но это не остановило настырного пацана. Подпрыгнув, он зацепился за неё и, упираясь ногами в опорный столб, сумел забраться на нижнюю ступень лестницы. Под одобрительные возгласы мальчишек одолел остальные ступени, добрался до площадки, на которой был установлен трансформатор. Осматривать стал ранее им не виданное. Его внимание привлекли металлические дугообразные шины из толстых пластин. Они разноцветно переливались в солнечных лучах, притягивая к себе взгляд, словно чёрно-белое с металлическим сине-зелёным отблеском оперенье сороки, подстреленной из ружья отцом в прошедшую зиму. Коле разом припомнилось, как ему стало жалко красивую птицу, как к ней, после меткого выстрела упавшей в сугроб с крыши бани, он добирался, утопая по пояс в снегу. Под впечатлением былого теперь ему сильно захотелось прикоснуться к этой металлической красоте. Невольно потянулся он к манящим его высоковольтным шинам и схватился за них обеими руками...

2.

Очнулся Коля в реанимационной палате городской больницы Салавата, города, недавно поднявшегося в каких-то всего лишь четырёх-пяти километрах от Столяровки. Увидев медсестру с капельницей, выдавил тихо:

— Пить...

— Ожил! — сильно удивилась сердобольная пожилая уже женщина. — Сейчас я...

Она вставила в еле заметную вену на не тронутой электроожогом части Колиного бёдрышка иглу с трубочным катетером, открыла зажимной краник под ёмкостью с питательным раствором:

— Лежи спокойно. За врачом побегу.

Коля проводил её взглядом. Готовый вновь провалиться в бессознательное состояние, в котором пребывал двое суток, он лежал в ожидании, не осознавая случившейся с ним беды: как подбежавший к трансформатору, на миг лишь всего припоздавший к сыну отец оказал ему первую помощь; как примчавшаяся из Салавата скорая доставила его в новую больницу города, где оперативно и верно определились с диагнозом и провели нужные процедуры.

— Надо же... При таком ударе с 80-процентным ожогом тела остаться живым! — продолжала удивляться вернувшаяся с врачом медсестра. — Признаться, думала, напрасно возимся с пацаном. Я уже и родителей мальчонки подготовила к худшему исходу. Обрадую их...

— В рубашке родился, — внимательно осмотрев вышедшего из комы пациента, согласился с ней заведующий реанимационным отделением. — Чудом сердце и мозг уцелели. Да и обуглившись руки вовремя ампутировали, не дали гангрене внутрь внедриться. Всё же, прошу, не топнитесь обнадёживать родных.

Всякое ещё может случиться. Нешуточная борьба за мальчика предстоит, долгая...

Прогнозы оправдались. В течение трёх месяцев боролись врачи за Колину жизнь. Капельницы, переливание крови, пересадка кожи чередовались с частыми перевязками. Бинты сильно прикипали к обгоревшему телу. Приходилось в буквальном смысле отдирать их, что вызывало сильное кровотечение и нестерпимую боль. Коля неудержимо ревел от этой боли, тихонько плакал от своей беспомощности, несостоятельности даже утереть слёзы. Осознание безрукости с каждым днём нарастало. Но и при этой, казалось бы, непоправимости не отчаялся он. В нём, четырёхлетнем человечке, откуда-то взялось и после каждой перевязки укреплялось желание скорее выздороветь и продолжить свою жизнь в новом состоянии.

3.

Наконец-то настало время Колиной выписки. Его, как первого из вылечившихся тяжёлых пациентов новой больницы, провожал весь медперсонал.

— Ты выжил, чтобы жить! — напутствовал главврач. — Мы верим, что, несмотря на случившуюся беду, вырастешь достойным человеком!

Такое событие не осталось незамеченным и в Столяровке. У дома Кошелевых, возле палисадника с отцветающими красными астрами среди зелёных ещё кустов сирени и берёз, дружно

собрались наслышанные о возвращении Коли односельчане. Ребяшня с любопытством ошупывала пустые рукава его пиджачка. Здоровья и бодрости духа желали ему взрослые.

— Поглазели и будет! — Фёдор Иванович, не перестающий изводить себя за случившуюся страшную травму младшенького, прервал стихийный митинг и повёл сына во двор. — Не сникнет, дай Бог, пообвыкнется... без рук...

Непросто было Коле привыкать к «безрукой» жизни. Разные проблемы возникали, от многого приходилось ему отказываться. Но в уныние не впал. Целыми днями пропадал он с ребятами на улице, допоздна заигрывался — не дозовёшься, чем сердил мать. Однажды Анастасия Алексеевна решила наказать гуляку за непослушание. Отправив старшеньких в школу, не разбудила разоспавшегося, набегавшегося накануне сынишку, не одела, как обычно. Сама намеренно от домашних дел отлучилась, дверь на щеколду закрыла.

Проснувшийся Коля, в ожидании матери слоняясь по избе, заметил на полочке над входной дверью в сенцах резинового петушка. Надумал достать игрушку. Быстро сообразил, как это сделать. В кухонном закутке выбрал прочную табуретку, поддев ногой, подтащил к двери. В передней на школьном столе отыскал длинную линейку. Прикусив за конец планки, взобрался на табуретку, другим концом дотянулся до петушка и, расшатав его, сбросил на пол. С пола

пальцами ног поднял игрушку, которая оказалась свистулькой, на табуретку, ртом ухватил.

Насвистевшись, Коля подошёл к двухстворчатому окошку, на подоконник забрался — мать высматривать, где-то изрядно задержавшуюся. Ребят на улице увидел. Готовый в одних трусиках побежать за ними, зубами стерженёк шпингалета повернул, створки раскрыл. От хлынувшего, довольно уже зябкого предоктябрьского ветра поёжился, разом расхотел выскакивать на улицу. Быстро с подоконника слез, вполз под одеяло, вцепившись зубами за его краешек.

— А может, таким же образом одеться смогу? — осенило его.

Он вскочил с постели, подбежал к своей висящей на спинке стула одежде, в зубах на кровать перенёс. Крутясь ногами, извиваясь всем телом, натянул штаны с резиновым пояском. Ухватившись зубами за воротник рубашки, рывком накинул её на себя, с помощью дверного косяка расправил на плечах.

— Вот и оделся, — рассмеялся он, донельзя довольный собой.

Сунув босые ноги в мягкие вельветовые тапочки, через окошко выбрался в сад, на улицу выскочил и побежал к игравшим возле клуба друзьям...

Как и раньше, Коля стремился быть везде и во всём первым. Отсутствие рук не мешало ему по-прежнему быстрее всех бегать, быть лучшим в прыжках в длину с места и с разбега. Не было

ему равных и в катаниях с горы. Накинув на шею верёвку, впрягался он в санки, по глубокому снегу взбирался на самый верх крутизны. Испытывая радость и гордость, быстро скатывался оттуда на зависть сверстникам, у которых не хватало сил сделать то же самое. Играл и в хоккей на замёрзшей Барче. Не зная страха и боязни, ногами и грудью защищал ворота. Умудрялся и на воде никому не уступать. Нырля с обрыва, дольше всех под водой держался. Сильно работая ногами, бесстрашно преодолевал речную быстрину и глубинные места на озере...

Отцовское наставление «Стремись быть первым во всём!» и напутствие главврача больницы «Ты выжил, чтобы жить!» с детских лет становились его жизненным кредо.

4.

Колин отец со своими четырьмя классами столяровской начальной школы грамотёшкой не отличался, но газеты выписывал регулярно и вечерами, после рабочего дня, управившись с домашними делами и отужинав, любил внимательно просматривать их.

Однажды и Коля, крутившийся возле отца, к газетам интерес проявил. Зубами взял одну из них, развернул на полу, фотографии и буквы стал рассматривать.

— Скорее бы научиться читать, — вслух подумал он.

— Успеется ещё. Окрепнуть перво-наперво надо как следует после больницы, — оторвался от чтения Фёдор Иванович, снова растревожив себя: каково же будет сыну в школе без рук-то?

Только не захотел Коля долгие два года до школы ждать. Поскольку к тому времени его братья Василий с Александром и сестра Галина уже в Салавате в школах-интернатах находились, а родителям не до сыновнего познавательного порыва было, решил он самостоятельно учебные азы постичь. Букварь у дружка выпросил, азбуку стал изучать. В газетах находил знакомые буквы, складывающиеся в слова. Освоил и составленные из них предложения. К шести годам, с нового, 1964 года, выписываемый отцом журнал «Роман-газета» всюду стал читать. До школы также и цифры познал, складывать и умножать их научился.

Небольшое деревянное здание школы находилось в центре Столяровка, недалеко от Колиного дома. Отказавшись от помощи матери и дружков, Коля сам в зубах нёс портфель. От подобной носки его ручка скоро порвалась. Тогда догадался он ремешок к портфелю приладить, за плечо его зубами накидывать.

Класс из двенадцати учеников был дружным. К своему дошкольному лидеру, конечно же, все относились больше с уважением, чем с жалостью, за что он разрешал им доставать из портфеля школьные принадлежности.

Дальше сам действовал. Зубами раскладывал на парте учебники и тетради, аккуратно перелистывал их. Зубами же держал ручку. Обмакиваемым в чернильницу пером красиво выводил буквы и цифры. Хорошо Коля и рисовал. Географическая карта Столяровка и её окрестностей, составленная им по заданию учительницы, оказалась самой наглядной и точной, поскольку не понаслышке знал он все ближайшие к деревне достопримечательности, не раз уже побывал там. Учился Коля легко и увлечённо, частенько соседям по парте на контрольных работах подсказывал и после занятий многим при выполнении домашних заданий помогал, за что ещё более уважаемым становился.

После столяровской четырёхлетки Коля продолжил учёбу в Салавате. Каждодневно с увесистой сумкой на плече пешком преодолевал он пятикилометровку до стекольного завода, потом, проехав несколько остановок на трамвае, ещё с километр шагал до городской школы № 11. Случавшиеся в пути дождь и снег не останавливали его, не возвращали домой. Вовремя, мокрым и озябшим приходил он в школу, в любую непогоду занятий не пропускал. Только с наступлением снежной зимы, когда донельзя затруднительной становилась кратчайшая до города, часто заметаемая дорога, в Салават к сестре Галине на зимнее житьё перебирался, не забывая при этом в свободное от школы время родную деревню посещать.

5.

Помимо способностей в учёбе, Коля с первого класса с лучшей стороны проявил себя и в технике. В те годы в моде был велосипед. У каждого пацана он имелся, у некоторых уже новых марок, взамен старых, используемых в большинстве своём лишь на запчасти. Из них-то, натащенных домой от ребят, Коля, понимающий, что ему, безрукому, от родителей не дожидаться магазинного велосипеда, и надумал собрать собственный двухколёсный.

Не одну неделю возился, пальцами ног и зубами прилаживая, прикручивая к раме нужные детали. Добился-таки своего, на удивление взрослым и детям выкатился на велике собственной сборки, предварительно на своём дворе научившись кататься без рук. На следующее лето умудрился он двигатель, выкинутый за ненужностью в металлолом, но довольно сносный ещё, починить, к своему велосипеду приладить. На зависть друзьям стремительно стал гонять на самодельном мопеде по Столяровке и её окрестностям, осмеливаясь даже за шесть километров укатить к родниковому озеру, синеющему чистыми водами у соседней деревни Семёновки.

В двенадцатилетнем возрасте вездесущий Коля в обваливающемся уже сарае на родительском подворье обнаружил отцовский давно вышедший из строя «Ковровец». Этот мотоцикл он в конце лета незаметно, в сумерках, на

двор бабушки Надежды Кузьминичны перекатил, втащил в мазанку, куда из-за ненадобности давно никто не заглядывал. Разборку «Ковровца» начал незамедлительно, благо в мазанке окно с целыми стёклами имелось и в своё время туда отцом-электриком свет был проведён, оставалось Коле только лампочку в патрон зубами вкрутить.

К зиме юный техник до последнего болтика разобрал мотоцикл, список отсутствующих и подлежащих замене деталей составил. После школы в городских автолавках и на базаре-толкучке их выискивал, на сэкономленные деньги, из выдаваемых ему родителями на еду и на хитро выдумываемые им школьные расходы, нужное покупал. Некоторые объёмистые детали были чувствительным довеском к учебникам, но Коля при дороге домой не ощущал этой тяжести. Радость предстоящей сборки собственного мотоцикла придавала ему дополнительные силы.

На весенние каникулы Коля выполнил основные работы. Накануне майских праздников, когда установилась почти летняя погода, тщательно проверив качество сборки мотоцикла, выкатил его на подсохший после весеннего таяния двор. Заправил бак заранее припасённым бензином, выпрошенным у знакомых шофёров. Открыл кран, сделал подсос бензина в карбюратор.

С забывшимся от волнения сердцем Коля приступил к запуску двигателя. При первом

же нажатии ногой на кикстартер мотоцикл завёлся. Отвёрткой в зубах он отрегулировал болтиком холостой ход. Мотор заработал как часы. От нахлынувшего восторга Коля запрыгал, забегал вокруг мотоцикла. Заглушив его, взялся за переделку под себя управления, руль выше поднял, до плеч, ручной газ на ножную педаль перевёл. Сцепление с левой стороны руля переместил к середине, чтобы удобнее было выжимать подбородком. Вновь мотоцикл завёл, во всю мощь газанул.

На громкий шум подошли отец и старший брат. Увидев в рабочем состоянии свой давно пришедший в негодность мотоцикл, с которого не одна уже деталь была снята для других «Ковровцев», Фёдор Иванович ахнул:

— Чудеса и только! С кем умудрился...

— Сам! — не дал ему договорить Коля. — Всю зиму возился.

— Не верится даже...

— Ровно, ритмично работает, — не переставал удивляться и Василий. — Помнится, и с новья в нём такой чёткости не было... Молодец, Колян!

Окрылённый похвалой Коля оседлал мотоцикл. Проехавшись по двору, крикнул брату:

— Открой калитку!

Обдав Василия выхлопным газом, он выскочил на улицу и окрылённо помчался по ней к Салавату. Казалось, и природа ликовала вместе с ним: улыбалось, искрилось лучами солнышко; по обочинам дороги ковриком расстелилась первая травка;

тёплый ветерок, помахивая только что проклюнувшимися клейкими листочками деревьев, словно зелёными флажками, трепал его торчком поднятые вихры...

6.

Коля выжил, чтобы жить. Осознавая свою неполноценность, не выказывал её, ни взрослым, ни сверстникам не давал малейшего повода относиться к нему как к инвалиду. По-прежнему, как и до страшной электротравмы, он верховодил на улице, рос неутомным и хулиганистым пацаном, был талантливым и в своих проделках.

Тяга к чтению подвигла его на каникулах после второго класса проделать лаз в подпол школьного здания и, сдвинув доски пола, забраться в школьную библиотеку. Все книжки, считай, за лето перетаскал оттуда, начитался вволю. На следующие каникулы Коля школьным дровяником заинтересовался. У матери, школьной технички, топящей голландку и моющей полы, ключ от амбарного замка выкрал. Старые парты там хранились. На одной из них отцовским буром по низу боковых стенок он высверлил отверстия, железные стерженьки вставил, на которые колёсики от детской коляски надел, застопорил, чтобы не соскакивали. Недели две втайне трудился, потом ребят позвал.

Понравилось им Колино изобретение:

— Клёвая тележка получилась!

— Обоих бы наших училок на ней покатать...

— Грузные они. Колёса не выдержат, сломаются...

— Тогда одну только Марию Николаевну. Она полегче Марии Семёновны, к тому же заведующая школой...

— Не будем их беспокоить. Сами покатаемся, всех повеселим...

И впрямь удивились стояровцы необычному транспорту, Фёдор Иванович тоже. Оценив творческую смекалку сына, всё же за порчу школьного имущества, больше за выкраденный ключ и самовольное проникновение в дровяник, он чувствительно по Колиной спине ремнём прошёлся, а сильно осерчавшая мать несколько дней на улице не отпускала.

Быстро забыл Коля о наказании. Вскоре на рыбалке вновь отличился. Надумав рыбу с картошкой пожарить, на развилку стволов огромной ветлы умудрился хворост втащить и развести костерок, тотчас заискрившийся на внезапно усилившемся ветру. Чуть пожара не наделал. Следом, уже в безветренный день, прицепив к багажнику большую ветку с густой листвой, стал носиться по деревенской улице на велосипеде. Такую несусветную пыль поднял по Столяровке, что к вечеру вышедшим посидеть на завалинках своих домов старым людям дышать было нечем. С палками гонялись они за безруким хулиганом, кулаками грозили... Опять Коле от родителей досталось! Чуть позже, когда он велосипед на мотоцикл сменил, и вовсе всех поразило. С двумя дружками сзади на

сиденье своего «Ковровца» Коля поехал на горно-песчаный карьер, где проводились большие соревнования по мотокроссу. Остановившись в сторонке от собравшегося народа, где и милиции, и гаишников хватало, с обзорного юра внимательно проследил за выступлением спортсменов.

— И я так смогу! — мысленно проехался он по сложной трассе.

— Без рук не получится, — засомневались друзья.

— А вот и получится! — загорелся Коля. — Смотрите, что сейчас будет!

Он завёл мотоцикл, резко газанул и на больших оборотах двигателя, с пробуксовкой ринулся вниз с обрыва. Почти по отвесной сыпучей его стене мигом скатился на дно глубокого карьера, развернулся с заносом заднего колеса и остановился. Все присутствующие на соревновании, в том числе и спортсмены, стоявшие уже на пьедестале, и награждающие их, оставив столы с медалями и призами, бросились к краю обрыва. Увидев не разбившегося, живого смельчака, они закричали, засвистели, восторженно взметнули руки вверх.

Коля гордо, с чувством выполненного долга смотрел вверх на людей, казавшихся ему муравьями. Крутнувшись в благодарность, воодушевлённый таким вниманием, он вновь газанул во всю мощь и рванул на противоположный от людей склон обрыва. Выскочив наверх, лихо проехался по всей соревновательной трассе. До вмешательства дежуривших здесь представителей городской

ГАИ, с которыми ему без прав на управление мотоциклом не резон было встречаться, он домчал до дружков. Посадив их, рывком подняв мотоцикл на дыбы, проехал несколько метров на заднем колесе и был таков.

На сей раз Коля не был наказан отцом. Фёдор Иванович попросту не сразу узнал о смелой и рискованной выходке сына, прославившей его на весь Салават.

7.

Жизненные часы неустанно отстукивали своё. Колины дни мерно складывались в месяцы, месяцы — в годы. Осталось позади его беззаботное хулиганистое детство, были окончены восемь классов салаватской школы. Надо было думать о дальнейшем.

В поисках счастья восемнадцатилетний Николай отправился в Уфу. До директора Башкирского республиканского цирка добрался, просил его посмотреть, как он смело выписывает пируэт на стареньком «Ковровце», как с помощью ног ловко стреляет из ружья и ножи мечет, умолял взять эквилибристом-мотоциклистом или на любые другие цирковые роли. Но не удосужился он внимания циркового начальника. Получив отказ, в Столяровку вернулся, в колхозной охране работу продолжил, в уборочную страду за руль комбайна сел. На заработанные деньги приобрёл новый мотоцикл «Восход-2» с электронным

зажиганием, на больших скоростях душу на нём отводил.

Но ещё большего экстрима хотелось Николаю, о мощной и скоростной технике он мечтал. Наконец-то, поднакопив финансы, с другом, тоже пожелавшим приобрести хороший мотоцикл, в 1980 году поехал в Москву: Олимпийские игры посмотреть и новый современный мотоцикл выбрать.

После тщательных просмотров земляки остановились на чешской «Яве-950». Купили, железнодорожным багажом в Салават отправили в том же составе, на котором сами поехали. Приехав домой, Николай тотчас мотоциклом занялся, всё необходимое под себя переделал. С нетерпением на трассу «Уфа-Оренбург» выехал опробовать скоростные возможности новой машины, с ходу 155 километров выжал.

Теперь никто не мог угнаться за ним, и он безбоязненно, без прав, стал стремительно гонять по Салавату и другим городам Башкирии. Удивлённые наглостью безрукого лихача гашники решили остановить-таки его и мотоцикл забрать. Засаду они ему устроили при въезде в Столяровку, мол, другой дороги нет, мигом прихватят, тёпленьким.

В один из летних вечеров, возвращаясь с очередной своей вылазки на башкирские трассы, глазастый Николай издали заметил у деревни трёхколёсный «Урал» жёлтой окраски.

— ГАИ! — определил он, усмехнулся. — Неудачно замаскировалась желтизна!

Задолго до поджидающих его гаишников он свернул с накатанной дороги, по бездорожью намерился незаметно проскочить к своему дому через огородные зады. Гаишники всё же увидели его, не сдержались, по бездорожью быстро затряслись на своей мощной машине на перехват.

Поддав газу, Николай легко проскочил мимо них, по еле приметной, заросшей травой тропинке нырнул в деревню. Вблизи его дома желтел ещё один «Урал». Юркнув в проулок, по задней деревенской дороге вырулил он в другой конец деревни, увидел третий караулящий его жёлтый мотоцикл.

— В кольцо решили взять... засадники, — выругался Николай. Не расстроился, не испугался, разозлился только. — Ладно. Коли так, устройю я вам «кошки-мышки»!

Обогнув по обочине дороги поджидавших его гаишников, крикнул им:

— Догоняйте!

Подняв «Яву» на дыбы, рванул в горы. Все жёлтые мотоциклы ринулись за ним. Николаю, который хорошо ориентировался в горах, удалось быстро запутать преследователей и, оторвавшись от них, по ведомым лишь ему тропинкам вернуться домой. Пока его искали в горах, он успел загнать свой мотоцикл в гараж и затворить ворота на засовы. В ожидании дальнейших событий схоронился в густо разросшемся сиренями саду.

Вскоре его преследователи въехали в деревню с разных сторон и остановились в центре деревни, недалеко от кошелевского дома.

— Ого! — удивился Николай, насчитавший шесть «Уралов». — Не много ли на одного безрукого мотоциклиста?

Гаишники посоветовались, постояли недолго и уехали, своим мощным гулом взбудоражив всю деревню. На следующее утро они снова появились в Столяровке, теперь уже на «УАЗике». Прямоком к Кошелевым подрулили, гурьбой зашли во двор. В это время Николай возился у гаража, мотоциклетное колесо ногами бортировал, новую камеру вставлял. Увидев его, они остановились разом и, словно бараны на новые ворота, молча уставились на работающего безрукого парня.

К ним вышел из дома Фёдор Иванович:

— Чем обязаны?

— Вчера вот не могли поймать вашего сына-лихача, — выдвинулся вперед старший гаишник. — Приехали вот всем отделением на него посмотреть и разъяснительную беседу с ним...

— Хреново ловили! — грубо оборвал его Фёдор Иванович. — Посмотреть же на него можно. Не жалко! Вон, живёхонький он, с мотоциклом возится. Без техники жизнь свою не представляет. Так что и беседовать с ним незачем... Лучше помогли бы на права сдать...

Ничего не сказали неожиданные гости. Молча повернулись и ушли со двора.

8.

Шила, говорят, в мешке не утаишь. Слух о неудавшейся поимке городскими гаишниками столяровского безрукого мотоциклиста быстро разнёсся по Салавату. Известно стало, как разнёс начальник ГАИ своих опростоволосившихся подчинённых:

— Ну и работнички! Мне бы вот таково одного, безрукого, взамен вас двадцати...

Николай, ранее уже прославившийся своим рискованным удалством на городском мотокроссе, теперь для многих вырос до настоящего героя. Каждый из них восхищался его мотоциклетным искусством, за честь почитал знакомство с ним. Лояльно стали относиться к нему и сами гаишники: пусть ездит себе, правил ведь не нарушает. Некоторые зауважали даже, при дорожных встречах, бывало, и честь отдавали.

Это сильно возвысило Николая в глазах почитателей, подняло его и в своих глазах. Он ещё больше уверовал в себя, в способность выполнения отцовского наставления «Будь первым во всём!» и напутствия главврача больницы: «Ты выжил, чтобы жить!»

9.

В столяровской охране Николай по праву считался лучшим. Не было случая опоздания на дежурство, не прогуливал, не пил, не курил. Не однажды ловил он и любителей поживиться колхозным добром. Надёжным помощником

в его сторожевых делах, верным четвероногим другом был Атлант. Ещё щенком эту овчарку восточно-европейской породы приобрёл он в Уфимском спецпитомнике, денег не пожалел, знал, что с лихвой они окупятся. С первых дней воспитанием малыша занялся, умело и системно дрессировку проводил, тесный контакт с ним налаживал. После успешных занятий щедро поощрял ученика: проваренным мясом и свежей рыбой баловал, молоком и кашей, словно ребёнка, кормил, овощные блюда готовил...

С трёхмесячного возраста на прогулку стал выводить подрастающего питомца, к послушанию приучал в житейских реалиях: при любых отвлекающих факторах, будь то неожиданно выскочившая из подворотни кошка или, скажем, с резким сигналом промчавшаяся мимо машина, не теряться, лишь команды хозяина чётко выполнять: «Ко мне!», «Рядом!», «Лежать!» и другие — барьеры различные преодолевать, еду с земли и с чужих рук не брать... Многому всему терпеливо учил Николай своего Атланта. С особой тщательностью прививал навыки сторожевой службы: умение охранять вещи и отыскивать их по запаху при пропаже, безбоязненно преследовать и задерживать преступников-похитителей. Само собой, и должный уход за собакой обеспечивал: и купал, и шерсть расчёсывал, от блошек разных специальным препаратом обрабатывал.

Однажды лишь Николай промашку дал. Собравшись в

соседнюю деревню Корнеевку, в спешке забыл пса на цепь посадить. Пока тот после сытной еды в будке почивал, успел укатить за десять километров. Но не дал он своему хозяину с друзьями разгуляться: к удивлению и радости Николая, по колёсным следам его нашёл. Только при возвращении домой радость Николая сменилась тревогой, заметил он: захромал Атлант. Вскоре вовсе перестал ходить и слёг. Николай побежал за колхозным ветврачом. Выяснилось, что от непривычного для собаки жёсткого асфальта лапы протёрлись до крови. Целую неделю Николай смазывал Атланту раны, марлевые перевязки делал. Сильно переживал он за четвероногого друга, плохо спал, похудел заметно. Лишь после того как Атлант стал вставать и потихоньку ходить по двору, успокоился.

Постепенно Атлант поправился. Распрямилась спина с жёсткой, плотно прилегающей к ней шерстью тёмно-серого окраса. Окрепили мускулистые ноги с округлыми лапами под овальной грудью и подтянутым животом. Чутко заиграли равнобедренные треугольники ушей, повеселел саблевидный хвост. Былую уверенность обрёл взгляд миндалевых, косовато поставленных светло-коричневых глаз. Вновь бежал он стелющейся рысью, сильно отталкиваясь задними конечностями, рядом с мотоциклом своего хозяина, рулившего к охраняемым колхозным объектам в Столяровка и в прилегающих деревнях.

Умной и послушной собакой вырос Атлант. На протяжении

всех двенадцати лет сторожевой службы Николая всегда и везде сопровождал его. В ненастные ночи, при сильных дождях и морозах сам, без хозяина, обходил фермы и амбары-склады. После обхода возвращался к сторожке, скрёбся в дверь и впрыгивал в тёплое помещение: мол, всё в порядке, можно теперь и погреться малость, до следующего рейда. При малейшей подозрительности немедленно отправлялся в темень, при необходимости вызывал хозяина тревожным рыком и первым бросался на непрошенных гостей, до его прихода удерживал их с поличным на месте преступления...

10.

Будучи известным человеком, Николай имел немало друзей и хороших приятелей в Салавате и далеко за его пределами. В свободное от работы время частенько бывал у них. В один из таких дней он приехал в Покровку на день рождения к знакомой девушке Тамаре. Среди приглашённых на это торжество была и Тамарина подруга из Салавата. Надежда (так её звали) с первого взгляда понравилась Николаю, подметившему, что и она с интересом поглядывает на него.

После весёлого шумного застолья, когда все вышли освежиться на улицу, Тамара познакомила Николая со своей подругой. На прогулке по деревенской улочке между парочкой, уединившейся по взаимному желанию, завязалась оживлённая беседа.

Надежда, не робея от внимательного доброго взгляда голубых глаз, интересовалась жизнью необычного собеседника, высокого симпатичного парня с большим открытым лбом под аккуратно подстриженными тёмно-русыми волосами, радовалась его успехам. Наброшенный на плечи пиджак скрывал отсутствие рук Николая, отчего он казался Надежде ещё привлекательнее. Их романтическому настроению способствовала незаметно опустившаяся на село звёздная августовская ночь...

При последовавших встречах в Салавате их дружеские отношения постепенно переросли в любовь, и через два года Николай попросил её руки. Надежда, как и подобает серьёзной девушке, не сразу ответила на его предложение, с неделю выдержала, поволновала Николая, прежде чем дать своё согласие.

Окрылённый Николай поспешил познакомить невесту с отцом и матерью. Фёдор Иванович с Анастасией Алексеевной прямо-таки оторопели от неожиданного решения молодых, от радости прослезились и благословили их на женитьбу. Сложнее вышло с Надеждиными родителями. Они были против брака дочери с безруким инвалидом, давили на неё, Николая стыдили: «Зачем портишь девушке жизнь?» Но любовь двух сердец оказалась сильнее всех преград. Расписались они, и свадьба Николая с Надеждой известила о создании новой семьи:

- Горько! Горь-ко-о! Го-о-рько!
- Совет да любовь!
- Счастья и благополучия!

Надежда работала на Салаватском оптико-механическом заводе. Добираться туда из Столяровка, куда Николай намеревался привезти на житьё-бытьё свою молодую жену, оказалось для неё неудобным. Ухаживать же с высокооплачиваемой заводской работы, пусть случись даже в экономисты, самую лучшую женскую должность в правлении колхоза, тоже было нерезонно и неприемлемо.

Пришлось Николаю смириться с обстоятельствами и поселиться у её родителей в Салавате, в посёлке Мусино, при этом продолжая трудиться в колхозной сторожевой охране. Тесть с тещей хорошо приняли зятя, стремились создать для нового члена семьи благоприятную обстановку, но всё же предсвадебный осадок неприятия ими его давал себя знать, нет-нет да и проявлялся с редким, почти неприметным, но чувствительным негативом в их отношениях. Вопрос о собственном доме, изначально стоящий перед Николаем, невольно требовал скорейшего решения. Надежда поддержала мужа. На имеющиеся у них денежные накопления они здесь же, в Мусино, приобрели небольшой дом, в который и вселились, как оказалось, за десять дней до рождения дочери. К оставшимся после покупки средствам подкопив новые, принялись расширяться.

Николай действовал с размахом. К приобретённому блочному дому он сделал кирпичный пристрой, увеличив жилую площадь

с шестидесяти квадратных метров до ста десяти. Получился большой красивый дом. Чуть позже к нему добавил хозяйственный блок. По торцам дома поставил два вместительных гаража, во дворе построил новую деревянную баню. В завершение строительных работ провёл в дом централизованное водоснабжение, установил котёл для горячей воды, тем самым создав все удобства для нормальной семейной жизни.

Особое внимание Николай придавал качеству строительных работ, выполняемых приглашёнными специалистами. Много делал сам. Ногами и плечами, грудью и подбородком, с помощью верёвки и других нехитрых приспособлений он перетаскивал и укладывал брёвна, кирпичи, воду носил, землю копал... Сильными мышцами шеи прижимая черенок лопаты к плечу, ногою вдавливал в землю плоский отточенный штык, энергичным движением черенка через колено выворачивал здоровый комок.

Николай, будучи, как ныне принято говорить, настоящим трудолюбом, не представлял себя сидящим без дела. Он постоянно что-то ремонтировал, разбирал и собирал. Для него не составляло проблемы мебельную «стенку» собрать или, к примеру, постирать и погладить бельё. Возьмётся двумя пальцами ноги за утюг и водит его по ткани. Может и пуговицу к рубашке пришить. Зубами нитку в ушко иголки вденет — и пошла работа! Он с любыми механизмами на ты, с детства к технике тянулся. И в электротехнике разбирался,

даже телевизор запросто мог починить...

Надежда не могла нарадоваться на своего мужа.

— Я за ним как за каменной стеной, — делилась она с подругами, некогда отговаривавшими её выходить за Николая, теперь же завидующими ей. — Работящий. Не пьёт, не курит, красивый, высокий. Он меня ласковыми словами, нежностью обволакивает так, что отсутствие рук совершенно не чувствуется. Мы всюду вместе. И характером он сильный, приятно подчиняться ему.

12.

Случившаяся в детстве беда, лишившая Колю рук, не сломила его. Даже после электротравмы он быстрее всех погодков бегал, в разных играх и на земле, и на воде среди них равных не знал. К тому же ещё в десятилетнем возрасте с Сергеем Панковым сдружился. Тот на два года старше был, учёбу в Салавате продолжал, в школьной легкоатлетической секции там занимался. Приезжая в матери в Столяровку на выходные и каникулы, не прекращал свои тренировки, Колю и ещё нескольких крепких ребят к занятиям привлёк. Ежедневно бегали они к озеру за соседней деревней Семёновкой, с полчаса упражнялись на песчаном берегу, приседали, отжимались. Поплескавшись в озёрной воде, обратные шесть километров трусцой преодолевали.

Чувствительной была спортивная нагрузка. Не выдержали

её ребята, постепенно отсеялись из группы. Только Коле удалось справиться с заданным Сергеем ритмом. Он и в его отсутствие пробежки совершал.

Довольный им, Сергей, помимо интенсивных физических упражнений, стал товарища самозащите от нападения противника учить, разные приёмы, которыми хорошо владел, удары ногой, в первую очередь, подолгу отрабатывать. Такая подготовка в дальнейшем не раз выручала Николая в нередко случавшихся разборках, в принципиальных драках побеждать помогала. Ещё Сергей дал настырному и терпеливому ученику-товарищу знания о технике и тактике бега, о предстартовом настрое и правильном дыхании на дистанции, что пригодилось Николаю в будущих соревнованиях среди инвалидов.

13.

При хорошей подготовленности к бегу и другим видам спорта поздновато всё же Николай приобщился к соревновательному процессу. Ему бы уже после московской Олимпиады-80, вдохновившись увиденным красивым кружением по стадиону бегунов-стайеров и полётами над ямой с песком прыгунов в длину, проявить свои спортивные способности. Отличных результатов бы добился! Только не загорелся он тогда спортом, а подсказать оказалось некому. Да и как-то не до того тогда Николаю было. Сторожевой работой много занимался, почти всё свободное время

мотоциклу отводил и поездкам на нём к друзьям в Салават и в окрестные деревни. Потом встреча с Надеждой состоялась, продолжившаяся двухлетним уходом за ней...

Лишь в тридцать лет, после вступления в Салаватское общество инвалидов, вышел Николай на свой первый старт. Несмотря на потерянное время, он быстро стал лучшим среди салаватских коллег-спортсменов. Природные данные сказались, и бывшие занятия с Сергеем Панковым способствовали этому. Умел он со старта удобную беговую позицию занять, равномерно распределив силы по дистанции, резво финишировать. При необходимости, когда претенденты на победу настырность проявляли, Николай в стремлении измотать их на так называемый рваный темп переходил, правильным вдохом и выдохом регулируя дыхание. И в прыжках в длину он чётко действовал: силу разбега с точным попаданием на планку и взрывным отталкиванием от неё сильными ногами соизмерял.

В течение семи лет Николай неоднократно побеждал на первенствах города Салавата и Республики Башкортостан в беге на длинные дистанции и прыжках в длину, в плавании и лыжных гонках. Особый успех выпал ему в 1990 году на проводившемся в Уфе чемпионате России, когда он стал лучшим практически во всех видах соревнований. О спортивных успехах

Николая свидетельствуют многочисленные грамоты, дипломы и кубки. Не раз награждался он поездками по достопримечательным местам страны, круизом по реке Волге, к примеру, и ценными подарками. Один из них — наручные часы — он подарил супруге Надежде, своей постоянной и верной спутнице жизни.

14.

К своему тридцатипятилетию Николай приобрёл первую автомашину — «Жигули», так называемую «копейку». Замечательный подарок к юбилею получился: и переделки, кроме рычага переключения, не потребовалось, и управлять ею оказалось легче, чем мотоциклом. К тому же радовал его и уютный салон под крышей, в котором всей семьёй можно было разместиться, и багажник для грузов.

Освоившись к вождению ногами и плечами, в Тольятти Николай стал рулить за товаром, свой бизнес по торговле автомобильными запчастями укреплять. Потом в Оренбург и Челябинск гонял, даже до Чёрного моря однажды с домочадцами докатил. Одно тревожило: без прав приходилось ездить, с останавливающими его гаишниками объясняться. До поры до времени они, поражённые его управлением машиной, без задержания и штрафа отпускали. Николай понимал, что долго так продолжаться не может. Запрашиваемый инспекторами главный водительский документ требовалось приобрести.

Начальник Салаватской автоинспекции, к которому обратился Николай по поводу прав, не понаслышке знающий о его водительских способностях, не возражал: «Я только за, но это не от меня зависит. Нужно пройти медкомиссию, допуск к экзаменам по правилам дорожного движения получить». Друг Николая, гаишник, взявшийся помочь ему, по разным инстанциям искал выход из создавшегося положения, наконец, посоветовал ему обратиться в Уфу, к известному специалисту-травматологу.

Памятуя о своём давнем пугающем разговоре с директором Уфимского цирка на предмет трудоустройства, Николай решил основательно подготовиться к встрече с медицинским светилом, на видеокамеру снял своё вождение мотоцикла и машины на автодроме. С качественной киноплёнкой он поехал в Уфу, добился приёма у профессора Башкирского государственного медицинского университета Булата Минакова, президента ассоциации травматологов, ортопедов и протезистов Республики Башкортостан.

Как и предполагал Николай, тот удивился его просьбе и готов уже был отказать в положительном решении, но, ознакомившись с плёнкой, резко переменял своё мнение, четырёх университетских коллег, известных на всю Россию крупных специалистов на консилиум пригласил.

После тщательного, коллективного уже просмотра плёнки, расспросов и внимательного осмотра безрукого водителя каждым

членом комиссии родился документ, говорящий, что «при успешной сдаче экзаменов по правилам дорожного движения Николай Кошелев может быть официально допущен к управлению транспортным средством. Разрешается управление легковым автомобилем категории В».

15.

Получение долгожданных водительских прав стало для Николая важнейшей жизненной победой, укрепило его силы, в глазах окружающих ещё более возвысило. Появившаяся возможность беспрепятственных теперь поездок в любые российские регионы позволила ему чаще встречаться с партнёрами по бизнесу, оперативно решать вопросы купли-продажи автомобильных запчастей и механизмов. Заметно повысилась его финансовая составляющая, в результате чего он смог использовать часть прибыли на покупку новой машины.

В первые же дни после приобретения «Самары» 11-й модели Николай отправился в Столяровку к родителям: самому показать и машину показать. Быстро до родной деревни домчал. При въезде в неё медленно поехал, с встречными пожилыми земляками, на дачный сезон приезжающими в свои пустующие зимой дома, здоровался, словами перебрасывался. У трансформаторной будки с выцветшей синей оградой остановился. Не выходя из машины, минут пять посидел, бывшее в себе всколыхнул. Родители во

дворе перебирали свежесваренную картошку, для засыпки в погребки готовили.

— Давненько не заглядывал к нам, — Фёдор Иванович сполоснул руки водичкой из рукомойника, приобнял Николая. — Работаете всё?

— Само собой, — Николай не без гордости кивнул на машину. — Вот наработал.

Фёдор Иванович, по характеру скуповатый на высокопарные слова, и сейчас не выразил особой радости от нового приобретения сына, лишь побелевшую бороду, опущенную в молодые ещё годы в знак принадлежности к старобрядческому роду, ласково погладил, что являлось признаком большого довольства и одобрения:

— Хорошая машина. Поздравляю!

Зато Анастасия Алексеевна не скрывает восторга, по-матерински ткнулась в сыновью грудь, слёз не сдержала:

— Дай-ка расцелую тебя, сыночек. Какой же молодец ты у нас! Обрадовал так обрадовал!

За чаем о семейных делах говорили. Было о чём: шестерых деток вырастили Фёдор Иванович с Анастасией Алексеевной, и все они уже своими семьями обзавелись.

— Смотрю, дачники начинают уже собираться в городские квартиры, — заметил Николай. — Пора бы и вам в Салават перебраться. Хватит одним в деревне зимовать.

— Можно бы, — откликнулась мать. — Зимой здесь и впрямь тяжело становится. Порой так

заметёт, света белого не видно. Как два медведя в берлоге сидим.

— Вот я и говорю... Подберём домик в нашем Мусино, подремонтируем, уют в нём создадим. На первых порах у нас поживёте. Места на всех хватит. В случае чего у Василия или Галины поживёте.

— Можно бы... — вновь заговорила Анастасия Алексеевна, но Фёдор Иванович остановил её.

— Не поедём! — категорически отказался он от сыновьего предложения. — Здесь родились, здесь и свои остатные годы скоротаем. Вас всех с внуками-правнуками привечать будем...

Недолго чаёвничал Николай у родителей. Сославшись на неотложные дела, из-за стола поднялся. Прежде чем домой воротиться, решил всё же детство вспомнить, к Семёновскому озеру проехать, на знакомом песчаном берегу посидеть. Но раздумал, у Платон-горы, круто высившейся по-над заметно обмелевшей Барчой-речкой, развернулся, на соседнюю пологую возвышенность, Красной горой именуемую, по еле видимой колее машину направил, недалеко от Пищаева оврага мотор заглушил.

С облюбованной Николаем высоты открывался вид на Столяровку и её окрестности, простирающиеся до вбирающей в себя родниковые воды Барчи реки Белой, за которой поднималась поросшая лесом гора Зирган-Тау. Туда, за десяток километров от Столяровки, ездили её первопоселенцы за строительным материалом, брёвна для срубов домов

и надворных строений, жерди и колья для плетнёвых сараев и загородок возили. Среди них был и его, Николая, прадед Фёдор Алексеевич Кошелев. О нём, в конце девятнадцатого века перебравшемся со своим отцом-старовером на свободные земли в Башкирию из Поимской вотчины графов Шереметевых в Пензенской губернии, вырастившем вместе с женой Евдокией Степановной, в девичестве Гущиной, тоже уроженкой Поима, восьмерых детей, крепком хозяине подворья, предусмотрительно добровольно вступившем в созданный в Столяровке колхоз «Заря» и всё же раскулаченном, рассказал Николаю его отец, в честь своего деда Фёдора Алексеевича и названный Федей.

От отца же Николай был слышан и о прошлом Столяровки, до войны и после неё жившей полнокровной жизнью. Разорение деревни началось с большого пожара, случившегося за год до его, Колиного, рождения, и передачи местного колхоза в другое хозяйство. Свою неблагоприятную роль для Столяровки сыграло и близкое соседство быстро развивающегося города Салавата с мощным нефтехимическим комбинатом, другими предприятиями и организациями, куда потянулись оказавшиеся без колхозной работы столяровцы. В считанные годы, уже на глазах подрастающего Коли, деревня вдвое уменьшилась домами и жителями, а вскоре и вовсе опустела...

— Жалко! — вздохнул Николай, оглядывая практически

исчезнувшую Столяровку, благодаря только его родителям до настоящего времени числящуюся всё ещё в списках населённых пунктов Зирганского сельского Совета Мелеузского района Башкортостана. — Не случись такого нелепого разора деревни, ещё послужила бы она людям и родному краю...

Не думал, не гадал он, что придёт время возрождения потерянного, что инициатором, организатором и меценатом перемен станет двоюродный брат Сергей, сын его тётки Марии, проникнувшийся чувством родства к деревне своей матери: будучи большим начальником в «Газпроме», деревенское кладбище обустроит, часовню там поставит; урну с землёй с братской могилы под Харьковом, где его дед Иван Фёдорович лежит с погибшими на полях Великой Отечественной боевыми товарищами, рядом с его женой Надеждой Кузьминичной захоронит, куда чуть позже и маму свою, Марию Ивановну, определит на вечное житие; новую электролинию к Столяровке протянет, газ подведёт; деревенскую улицу асфальтирует, с трассой «Оренбург-Уфа» свяжет; церковь во имя Благовещения Божией Матери взамен разрушенной поставит; в пример для постройки новых домов коттедж «Дом Кошелевых» двухэтажный поднимет, «Музей деревни» при нём откроет, за ним, на речке Барче, «Марьян родник» соорудит... Предвидеть не мог Николай, что Столяровку

признают самым красивым селом Башкортостана, что и его вклад в том будет: к 75-летию Великой Победы по его, Кошелеву, проекту, победившему в конкурсе, памятная стела в деревне рядом с памятником «Картошке-кормилице» откроется, и он, принимающий поздравления, с внучкой возле него сфотографируется...

И, конечно же, не предполагал, не ожидал Николай, что фотография эта из памятно значимых последней для него станет, что совсем скоро, после завершения високосного, коронавирусом отмеченного 2020 года, накануне Рождества Христова проедется он с женой Надеждой в Салават по магазинным делам на новой, собранной на японском танковом заводе машине «Субару форрестер» с мощным самолётным двигателем, загонит её в гараж, дорожки от свежевывающего снега почистит, повечерит с большой своей семьёй в новых, недавно лишь отстроенных хоробах, спать ляжет, а утром 6 января 2021 года упадёт, сражённый смертельным инсультом...

Сейчас же, за двадцать лет до своей кончины, Николай стоял на Красной горе, любовался осенними красками и привольем родного края. В преддверии двухтысячного года он как бы подводил предварительные итоги своей уникальной, непросто сложившейся счастливой жизни:

— Отец, я продолжаю быть первым во всём! Товарищ главврач, остаюсь верен принципу «Выжить, чтобы жить!»

